

Алексей Гайдим

2019

Алексей Гайдым
2019

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Гайдым А.

2019 / А. Гайдым — «Мультимедийное издательство
Стрельбицкого»,

Харьков — первая столица Украины, которая закончила свою жизнь третьей мировой войной. Люди погубили Землю ядерной войной, оставив планету непригодной для жизни и тем самым навсегда похоронив себя под землей. Для главного героя планетарная катастрофа обернулась личной трагедией — Никита отправляется в долгий и опасный путь, чтобы отыскать своего отца.

© Гайдым А.
© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	17
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Алексей Гайдым

2019

Глава 1

Сказка стала былью

– Вставай, Никита, в университет опоздаешь!

Голос моего отца было легко различить даже спросонья, он был строгий ко мне, даже с самого детства. Что не так сделал – сразу порол ремнём, за это я его не любил. За его чересчур строгий характер.

В окно уже бросалось рыжими красками солнце, а небо плавно переодевалось в яркий окрас. Нехотя, с ленью и сонливостью, которые именно сейчас крепко вцепились в тело и разум, Никита поднялся с кровати. Протирая заспанные глаза, он пошёл в кухню, где уже завтракал отец. Тот доедал приготовленный в тостере гренок, запивая его чаем.

– О, встал сурок, – недовольно пробормотал отец. – Ты когда уже будильник поставишь?

– Ну забыл я.

– Забыл он, в следующий раз не разбужу.

Отец ушёл с кухни, доедая завтрак на ходу, он уже спешил на работу. Работал он начальником железной дороги: работа не из лёгких, не поспоришь. Можно было подумать, что он строгий, потому что он начальник. Нет, он был воином-интернационалистом, воевал в Афганистане, там-то жизнь его и закалила, но иногда он не чувствует грани между воспитанием и насилием. Это было очень печально.

– Приедешь с универа, никуда не уходи, сегодня поможешь мне с машиной, – из коридора заговорил отец.

– Бать я сегодня не смогу, у меня уже планы.

– Что значит планы? – возмутился отец. – Значит, отмени их, мне всё равно.

– Я не могу, я уже с Женей договорился встретиться сегодня.

– Скажешь, что не сможешь, всё!

– Почему тебе наплевать на моё мнение, почему я должен делать то, что ты скажешь? Будто я не имею своего мнения и мне десять лет.

– Значит, не хочешь мне помогать?

– Нет, потому что я договорился!

– Это просто опять твои отмазки, – отец махнул рукой и стал выходить с квартиры.

– Да-да, – Никита безразлично поумничал.

– Ну и вали куда хочешь! Не сына воспитал, а чёрт знает что! – отец грюкнул дверью и ушёл.

– Достал, – шёпотом сказал сам себе.

Ссоры с отцом бывали из-за пустяков, то там ему не помог, то там ему не угодил. Хотел бы он жить с мамой, но она уже не с ними... Ни с кем. Когда Никите было всего 6 лет, мать заболела раком. Как обычно случается, денег на дорогостоящую операцию не хватило, и смерть не стала долго ждать. Так Никита потерял маму, остался жить только с отцом, а всё, что осталось от матери – это фото в траурной рамке. Иногда Никита вспоминал её, как она выглядела, какой у неё был прекрасный и самый красивый голос. Хотя он её плохо помнил, боль в душе от этих мыслей всё равно терзала сердце, где-нибудь ближе к одинокому вечеру, когда остаётся один с мыслями.

Никита сидел за столом, попивая свежесваренный чай и смотря на утренний двор из окна. Глаза стали потихоньку просыпаться и картинка становилась чётче. Двор был спрятан в бледных, советских девятиэтажках. Красивая была Салтовка, хоть и однообразная. Самый большой жилой массив в Харькове. Вся Салтовка была усеяна девятиэтажными и шестнадцатипятиэтажными домами, как поле цветами, а мы, как те самые пчёлы, трудимся, не покладая рук, летая с цветка в улей, из улья на цветок. Никита жил на самой окраине города, с его балкона был вид на окружную дорогу, а с кухни вид бесконечные ряды белоснежных многоэтажек.

На часах уже было полвосьмого – пора собираться. Расхаживая по дому в трусах и майке, зашёл к себе в комнату одеться. Никита надел голубые джинсы с порванными коленями, купленными на базаре. Сверху накиннул светло-коричневую ветровку, которая была сейчас в моде. Его повседневный прикид. Закинул за плечи рюкзак, набитый нашивками и шевронами с логотипами рок-групп, и поспешил на учёбу.

На улице была весна, тихий ветер ласкал лицо своим прикосновением, а солнце грело своими слабыми весенними лучами.

Никита достал наушники, чтоб хоть как-то развлечь себя по дороге на учёбу и успокоиться после ссоры с отцом. Дошёл до автобусной остановки, на ней уже стояли люди и залезали в только что прибывший автобус. Он собирался уезжать, поэтому Никита поторопился и втиснулся в самый край автобуса, вплотную к двери. Народу было много, и в салоне автобуса было тесно, но Никита привык так проводить каждое начало утра.

Единственное, что успокаивало в этой раздражительной обстановке, так это музыка. Никита любил музыку, особенно рок. Он считал его энергичным и мотивирующим к действиям, иногда успокаивающим. Этот стиль музыки был идеален для него. Ударные инструменты, электрогитара, бас-гитара, этот серьёзный и местами агрессивный голос зажигал пламя внутри.

Пока Никита улавливал ритмы ударных, басов и гитары, автобус подъехал к конечной остановке и, как камень с души, освободил временных невольников.

«Героев труда» – часто посещаемое место среди харьковчан из-за рынка и одного из больших торговых центров в Украине. Здесь никогда не бывает безлюдно: кругом продавцы у прилавков, люди, идущие по своим делам, рабочие, которые трудятся над постройкой очередного нового магазина, который станет новой частью этого лабиринта. Центр города на его окраине.

С другой стороны дороги был виден торшер с буквой «М». Он гордо возвысился на шпиле и всем своим видом манил в метро. Туда и следовал Никита. На ступеньках сидели попрошайки, бабушки, торгующие цветами и музыканты, играющие неизвестные песни. Это был их дом, их работа, их жизнь. Среди толпы сидел темнокожий, на вид – ровесник Никиты, раньше его здесь не было. Он сидел с безразличным взглядом на выступе возле ступенек, в его руках была картонка с небрежно сделанной надписью «Помогите бездомному». Никита всматривался в него, в его лицо, смотрел на его тёмные ладони и его затасканную одежду, как вдруг он оглянулся на Никиту. Никита сразу отвернулся, ему было неприятно смотреть в глаза попрошайкам. Создавалось ощущение будто он смотрел на них свысока, это было для него морально тяжело. Никита прошёл мимо, внутри было непонятное чувство вины, что очень сильно его терзало.

Синие автоматы с билетами, контролёр, пропускающий инвалидов и пенсионеров через турникеты, дневной свет, заменённый лампами, запах креозота. Да, это метро. Никита любил метро, даже запах пыли, который многие не любили. Никита прошёл через турникеты и стал спускаться к станции «Героев труда».

Белые колонны, с коричневой полосой, идущей вдоль, потолок сделанный из восьмигранных кессонов, входящий в гармонию со светильниками на громадных люстрах, гобе-

лены в честь героев труда Советского Союза. Эту станцию можно было узнать из тысячи, она была строгая и торжественная – будто прямо сейчас на ней будет парад в честь героев труда.

По стене побежали зайчики от фар, постучали колёса по рельсам. Из тьмы появился поезд, осветил весь мрак в тоннеле и высвободился из него, тесного, тёмного на осветлённую, просторную станцию. Он начал плавно останавливаться, скользя по рельсам, и открыл свои двери пассажирам, впуская их к себе в гости.

Шустрые и проворные люди, как воробьи, сели на сидения, не оставив ни одного для Никиты, пришлось ехать у двери. «Ничего страшного, – подумал Никита, – можно и постоять, не привыкать уже».

– Обережно, двері зачиняються, наступна станція... «Студентська», – голос низкого тембра прозвучал из динамиков вагона, после чего двери закрылись.

Светлая, просторная станция перешла в тёмный, неосвещённый тоннель, за окном хаотично мерцали кабели на стене, не отставая от поезда, плавали на кронштейнах, как на волнах в море. Люди в вагоне замерли, как марионетки, сидя и стоя, в ожидании своего конечного пункта. Никита тем временем разглядывал рекламные плакаты, которые были нацеплены на каждом углу вагона. В ушах играла музыка.

– Станція... «Студентська».

Полностью белого цвета, с необычными овальными колоннами, идущим волнистым потолком. На барельефах замерли навеки студенты, это их дом, смотрят на проезжающие поезда и проводят их взглядом. Двери открылись, принимая новых гостей.

Вместе с толпой озабоченных людей зашёл музыкант. Седые волосы и усы делали его старше, чем на самом деле. На голове красовалась восьмиклинка, а в руках уюстилась старенькая, поцарапанная гитара. Двери закрылись, и из его гитары пошли ноты песен 80-х.

Никиту это раздражало, у него была своя музыка в наушниках, но гитара по громкости звучания явно выигрывала, и перебивала все ноты рока.

– Ничего, потерплю, – в мыслях сказал себе Никита.

Музыкант уже был на другом конце вагона и собирал щедрые пожертвования от неравнодушных пассажиров.

Вот и «Академика Павлова», от первых двух она отличалась отсутствием колонн. Широкий свод накрыл станцию своей дугой от стены до стены. На них блестели мозаики с разными картинками: биология, генетика, биохимия. Станция, посвященная великому творцу науки и всему, чем он занимался. Всё, чем он жил, теперь заложено в двух метрах под землёй – мавзолее, превращённый в станцию метро.

Двери распахнулись, принимая на борт синего судна всё новых и новых людей, места становилось меньше и людям приходилось притуляться ближе друг к другу. Кто-то похлопал по плечу Никиту, он обернулся, перед ним стоял его одноклассник Слава.

– О, привет, Никитос! – Слава с улыбкой на лице поприветствовал Никиту.

Заросший чёрными волосами, с небольшой щетиной, сильный духом человек, который умеет добиваться целей. С ним всегда было приятно пообщаться, может из-за общих интересов, а может из-за характера. И он скорее был не одноклассником, а другом, который учился вместе с ним.

– Привет, Славик! На учёбу едешь? – улыбаясь, пошутил Никита.

– Та нет, просто покататься решил, – в ответ улыбнулся Слава.

– Ну как там, мой рекорд не побил? – гордо спросил Никита.

Один из общих интересов был спидкубинг, в переводе на родной язык – сборка кубика Рубика на скорость, и Никита лидировал в этом состязании. Они могли соревноваться даже на парах. Правда, за это могли получать от преподавателей, но жажда победы была сильнее. Именно Никита и подсадил на это дело Славу, а тот, научившись собирать кубик, захотел

перегнать Никиту. И как бы Слава не старался, он всегда отставал на пару секунд от Никиты. Учителя не перегнать.

– Прикинь, четырёх секунд не хватило, – с обидой сказал Слава. – Ну ничего, вот ещё поучусь и тебя уже догоню, вот неделю назад не хватало шести.

– Ха-ха, молодец! Моя школа! – Никите тоже стало немного обидно.

Темы разговора менялись всё больше, причём спонтанно. От сказанного последнего слова появлялся повод для новой темы разговора. Поезд продвигался всё дальше, вглубь города. Народу стало совсем много, вплоть до того, что пришлось стоять и смотреть в упор на чужие затылки.

– Наступна станція... «Університет», – мужской голос с динамиков проинформировал.

Двери захлопнулись, те, кто не успел сесть в поезд, с досадой на лице ждали нового. Поезд покинул «Пушкинскую» и отправился в тёмные глубины тоннелей Харькова.

– Слышишь, следующая наша, – напомнил Слава на всякий случай Никите.

– Да-да, помню.

– Так, а на чём это я. А вспомнил, так вот, представь, все люди исчезли, и мы одни в мире и можем делать что угодно.

– Это ведь можно было взять в супермаркете всё, что захочешь, особенно еду, – у Никиты крутилась на уме одна еда.

– Ну, ты только о еде и думаешь, – с усмешкой сказал Слава.

– Я думаю, если бы это всё было в реальности, всё не было бы так просто.

– Почему? – заинтересовался Слава.

Монотонный, тёмный тоннель перелился в освещённые лампами станции цвета. Люди за окнами, ждущие поезда, расплывались от скорости. Поезд остановился.

«Университет». Большая, просторная станция, с балконами на верхнем ярусе. Колонны напоминали те самые, что и в университете, в честь которого и назвали эту станцию, превращая её в подземное здание, а большие люстры придавали станции величие. От просторности создавалось ощущение, что эта станция играла какую-то более важную роль, нежели просто станция.

Двери открылись, освобождая людей из тесного вагона. Вышли на станцию. Слава, так и не получив ответа на свой вопрос, спросил Никиту ещё.

– Почему говоришь? Ну, подумай сам. Электричества не будет, без людей оно, понятное дело, не будет вырабатываться, воды тоже. Если заболеешь, лечить тебя некому. Ну и самое опасное – в город придут дикие животные, а от них надо защищаться. Короче жизнь будет не такой сладкой, как ты её представляешь.

– Да, Некич, ты умеешь всё испортить, – сказал Слава, вздыхая.

– Та ладно, это ж сказки, такого никогда не будет.

Площадь Свободы – одна из самых больших в Европе, её размеры внушали величие, а красота завораживала, заставляя остановиться и рассмотреть её подольше. Эстетика и простота.

Вдали было видно три почти одинаковых здания, они были одними из символов Харькова, первыми небоскрёбами в Европе. Здание Госпрома выглядело так, будто из одного небоскрёба сделали кучу маленьких, а затем собрали их в одно здание. С правой стороны было строение еле отличавшееся от самого Госпрома, различить её можно было только по колоннам в главном входе. Это и было место учёбы Никиты – Университет им. В. Н. Каразина, наверное, один из лучших вузов в Украине. Никита был далеко не отличник и, если бы не связи отца, он бы не поступил. Автоматизация и компьютерно-интегрированные технологии – специальность не из лёгких. Да, училось там тяжело: сессии, экзамены, постоянные срезы знаний, как игра на выживание. Оступись, и ты уже обуваешь солдатские сапоги.

Вход в университет был частью этой всей картины: шесть громадных колонн стояли вдоль и опирали аттик, а из главного корпуса, прямо над входом, выделялся небольшой торец размером с комнату.

Главный зал университета чем-то напоминал дворец: колонны, расставленные по всему периметру зала, балконы, виднеющиеся на втором этаже, люстры, как из древних веков, но вместо свечей были вкручены экономки. Ковёр, расстеленный от входа до главной лестницы.

– Ладно, давай поторопимся, – посмотрев на часы в зале, предупредил Слава, – а то две минуты осталось до пары.

Лестница, второй этаж, третий, четвёртый. Длинный коридор с рядами дверей, которые отличались друг от друга только табличками с номером аудитории и названием.

А вот и нужный кабинет.

– Здравствуйте можно зайти? – они вежливо постучались.

В аудитории уже сидел почти весь поток, перед ними стоял преподаватель.

Павел Феликсович, преподаватель с большим стажем, отработавший не первый десяток лет. Небольшая, седая борода, русые волосы, очки придавали ему более молодой образ, чем можно было подумать. Любил иногда поговорить о жизни, поделиться с молодёжью опытом. Хороший был преподаватель, всегда шёл навстречу во всех вопросах и проблемах. Побольше бы таких.

– Давайте, быстрее заходите, – подгонял их Павел Феликсович.

Никита и Слава, не теряя времени, сели на свободные места, поближе к выходу.

Павел Феликсович не торопился проводить пару, ожидая пока придет ещё пара человек, закатил рукав и заглянул в свои часы. Пара уже началась две минуты назад, Павел Феликсович всё-таки решился начать.

– Так, ну что ребята начнём. Как вы знаете, уже весна, сессия не за горами. Ну, как мы и договаривались, на следующей паре должны быть сданы все лабораторные работы, предупреждаю, кто не сдаст, не будет допущен к экзамену.

Никита встревожился, его охватил страх от неготовности. Ведь он совсем забыл про них, всё откладывая на потом, вплоть до начала сессии. Боязнь не сдать лабораторки, значит, не быть допущенным до экзамена, а это значит – быть отчисленным.

– Павел Феликсович, а сколько должно быть работ? – спросил Никита, поднимая руку, чтоб его было видно.

– Двадцать одна, – отрезал Павел Феликсович. – Вы же, надеюсь, их сделали?

– Да, конечно! – не краснея, соврал Никита.

– Это очень хорошо, – похвалил Никиту Павел Феликсович.

– Хорошо, – сказал сам себе, переходя на шёпот, – блин, твою же за...

Дела были плохи, за два дня требуется написать двадцать одну лабораторную работу. За такие сроки Никита вряд ли справится, особенно, если они по физике. Особенно, если не откуда списывать. Нужна была идея. План по спасению.

– Слышишь, Слав, есть идеи по написанию лабораторных работ? У тебя же тоже нет ничего?

– Угу, – печально обезнадёжил Слава.

– Хм – м, слушай, а если поделить их пополам? Ну, например, я пишу первую половину работ, а ты вторую. Потом переписываем друг у друга. А?

– Каждому по десять, плюс одна кому-то вдобавок? – прищурился Слава. – Не. Не успеем.

– Давайте я с вами! – вдруг сбоку послышался голос Яши. – Втроём быстрее.

Яша был их одноклассником. Расчёсанные на правый бок и вверх волосы, горбатый нос, уши были тонкими и плоскими. С первого взгляда скромный человек, с ним всегда приятно общаться. Его минусом была – лень, часто из-за этого у него были проблемы.

– О, Яша! А мы про тебя забыли, давай с нами! – вспомнил про Яшу Слава.

– Ну вот, уже лучше, нас трое, – обрадовал Никита, – А значит, каждому по семь. Уже легче.

– Ну и договорились. Один за всех, – Слава произнёс это с интонацией, заставляющей закончить фразу.

– И все за одного!

– Ну-ка, третий ряд, замолчали! – перебил Павел Феликсович.

Пара продолжилась в молчании, и лишь Павел Феликсович развеивал недокукливую тишину своим голосом.

Никите не хотелось идти на этот факультет, не видя себя в будущем, но так сказал отец. Он сказал, мол, будешь работать у меня. Электросвязь – штука очень сложная, и не очень уж интересна ему, но за год уже успел набраться знаний. Электропитание сетей связи, телефония, микропроцессорная техника, радиосвязь, системы телефонной коммутации, электротехника. От этого всего Никиту уже тошнило.

Никита больше всего мечтал путешествовать, каждый точно об этом мечтал. Взять, забросить всё и отправиться в бесконечный путь сего мира, побывать в разных странах, посетить самые знаменитые места, побыть в пустошах мира, давно забытых человеком. Исследовать для себя неизвестное. Заняться саморазвитием. Отправиться куда угодно, но не в университет на учёбу или домой к отцу.

Время шло, прошедшие минуты уходили в забвение, перед глазами тетрадь, преподаватель диктует лекцию, конец пары. Перерыв, начало пары, перед глазами тетрадь, уже другой преподаватель диктует лекцию.

Замкнутый круг.

* * *

На часах оставалось пять минут до конца последней пары. Пять минут до свободы, они как назло шли не спеша, будто время замедлилось во всём мире, заставляя сидеть на паре дольше. Всегда ведь так, не правда ли?

Жутко бесит.

– Ну что же, пара окончена, все свободны, увидимся завтра.

Все вышли с аудитории. Теперь у всех своя дорога, кому домой, смотреть любимые сериалы. Или на тренировку сразу же после учёбы. А кто по личным делам. У Никиты сегодня была назначена встреча с лучшим другом Женей. Он друг детства, тот самый человек, с которым провёл всё своё начало жизни. Друг, который выручит в любой момент, которому ничего не должен, ибо помощь друга бесценна. Но их дружбу разделяют десятки километров. Друг с одного двора теперь живёт на Холодной горе, на совсем другом конце города, но это не мешает им видаться и общаться.

Ведь расстояние – ничто, когда люди что-то друг для друга значат.

Они договорились встретиться возле университета Жени, его пара заканчивалась на полчаса позже. Отсюда до него было рукой подать. Университет радиоэлектроники, ХНУРЭ, был рядом с «Научной», путь пешком составлял примерно столько же, сколько и оставалось до конца пары Жени.

Деревья, тротуар, аллея, слева показывал себя во всей красе Госпром: большое здание, занявшее место посередине площади, между университетом им. В. Н. Каразина и ХИБМом,

институтом бизнеса и менеджмента. Сверху, на крыше Госпрома, виднелась весьма внушительных размеров вышка, из-за чего он и казался таким большим и грациозным зданием.

Проспект Ленина, один из самых длинных проспектов в Харькове. Его конца было не углядеть на горизонте, а протяженность была, чуть ли не до конца города. Прямо по центру стоял памятник казаку Харько, тому самому, кто выдворял татар с наших земель, в честь которого и называли город. Он сидел на своём бронзовом коне, держа в руках копье, по сей день, обороняя город своим бессмертным обликом.

Справа был ещё один университет, такое же старое большое строение, не потерявшее с возрастом красоты. В центре города было очень много вузов, на каждой площади, на каждом проспекте стоял хотя бы один институт или университет. Не зря ведь сюда едут иностранцы со всех континентов, чтобы получить образование именно здесь. Именно в Харькове. В городе студентов.

Эта дорога для Никиты была бы скучная, если не его наушники. Потому что музыка – это не просто набор нот с голосом на заднем плане, это что-то больше. Музыка помогает нам, когда нам скучно, мы включаем музыку, чтоб нам было весело, или, наоборот, когда хочется подумать о жизни. В современности это уже, как зависимость, но она не вредна, она только в помощь.

Уже на подходе «Научная», справа из пятиэтажек выглядывали торцы высотных зданий, а проспект всё так же был длиннющим. Слева, за торговым центром был мемориал воинам-интернационалистам. Сюда приходил отец с Никитой, чтоб помянуть своих друзей, про которых остались лишь воспоминания. Память о близких людях остаётся в нас. Даже когда человека забирает смерть, в нас остаётся частичка от него. Она продолжает жить в нас.

Оставалось пару минут до конца Жениной пары, а Никита уже сидел у главного входа университета. Яркое солнце, греющее своими лучами, утонуло в свинцовых непросветных тучах. Ветер схватил деревья и тянул за собой листья на них. С неба начал моросить прохладный дождь.

Приятную мелодию в наушниках перебил звонок, Никита достал телефон, в надежде, что это не отец, который прикажет идти домой. Посмотрел на экран.

Отец звонит.

Он знал, что отец будет его прогонять домой, несмотря ни на что. Сбросил. Он устал от того, что отец говорит, что ему делать, от того, что ему наплевать на его мнение, что он не умеет соглашаться. Никита вспомнил сегодняшнюю ссору с отцом, настроение, которое копилось в малых количествах, за день так и упало на самое дно. Взбалтывая на этом дне осадок злости и отчаяния, безвозвратно растворил настроение. Дождь понемногу становился сильнее, превращаясь из надоедливых моросящих капель в большие и кучные.

– Привет! Чего такой кислый? – кто-то встал перед душой.

Пока Никита брёл в своих мыслях, совсем не заметил, как Женя уже пришёл с пар и подошёл к нему. Его улыбка была искренней и доходила до ушей. В отличие от Никитиной. Видимо, его настроение ничем не испортить, ни дождём, ни утомительным днём, ни плохим настроением друга. Он был ниже ростом, чем Никита, и его белокрысы волосы развивались на ветру и быстро намокали под дождём.

– Та так, ничего. Опять отец, – уныло ответил Никита.

– Хм, снова? – улыбка Жени превратилась в серьёзный взгляд.

Дождь не собирался слабеть, а только набирал свои обороты, оставаться под открытым небом уже не хотелось. Одежда стала неприятно промокать насквозь.

– Слушай, может, зайдём, перекусим? Могу угостить, – предложил Женя.

Дождь, не оставляя выбора Никите, заставил согласиться с Женей.

* * *

Рассказав всю историю с отцом, они ещё пару минут сидели, разглядывая в окно тарабанивший дождь. Рассматривая светящийся, мокрый асфальт под лучами фар проезжающих машин, Никита пил с Женей кофе за небольшим столиком.

– А ведь знаешь, – решил погасить тишину Женя, – ведь у меня тоже были такие отношения, только с матерью. Ну, а я что, я взбесился. Сказал, я уйду из дому. День я шлялся, второй. Меня даже искать начали, но я не сдавался из-за принципов. Пока деньги не кончились, пришёл домой, думал, сейчас получу трындюлей. А она меня обхватила будто, если отпустит, то больше меня никогда не увидит. Заплакала и стала извиняться. Вот, с тех пор у нас хорошие отношения в семье.

– Почему ты мне это никогда не рассказывал? – внимательно послушав историю, спросил Никита.

– Не люблю такое рассказывать.

Дождь стал стихать, растворяясь, уходили тучи. Солнце уже садилось, её вечерние, золотые лучи падали на мокрый асфальт, от чего он начинал блестеть. Пора было ехать домой.

Допив чай и докушав круасан, купленный за шесть гривен, Никита встал со стула и направился с Женей на выход. На дороге образовалась пробка, все ехали домой, и даже широкий проспект не мог уменьшить её. Никита с Женей спустились в метро.

* * *

Станция «Научная» была похожа немногими чертами на станцию «Университет». Облицована тем же мрамором, колонны были круглые и белого цвета, держащие сверху второй ярус с балконами, а стены были покрыты таким же коричневым мрамором, как и «Героев труда». На электронном табло, что висело над тоннелем, было шесть часов вечера, люди столпились и ждали прибытия поезда.

– Как ты думаешь, если я попрошу прощения у отца, мы помиримся?

Женя медленно обернулся на Никиту, аккуратно посмотрев на него, уставился обратно в стенку.

– Попроси, жизнь коротка, чтобы проводить её в обиде, – Женя попытался вообразить из себя философа, что у него выходило на тройку.

Никита серьёзно задумался о сказанном Женей. Ведь отец – единственный его близкий человек. Из тоннеля дул сильный ветер. Прибывающий поезд выталкивал воздух как поршень в цилиндре, буквально выдавливая его из тоннеля.

– Шановні пасажери, будьте уважні, на станцію прибуває електропоїзд. Відійдіть від краю платформи, – голос с громкоговорителя объявил приближение поезда.

Состав с шумом и гудением вылетел из тоннеля и стал плавно тормозить, остановившись, открыл двери для пассажиров.

В вагоне была тишина, в которой шумели колёса поезда и электродвигатель. Людей было столько же, сколько и утром, их лица были уставшими, вымотанными от ежедневной работы, свет от ламп уже казался тусклым. Или это просто устали глаза?

– А ведь знаешь, ты прав, – Никита решил поделиться мыслями с Женей. – Ведь из родных, кроме него у меня никого нет, и если вдруг что-то произойдёт, я останусь один.

– Вот и я тебе о том же, – согласился Женя. – Я бы на твоём месте помирился.

Никита уткнулся взглядом в стенку тоннеля, смотря, как свет из вагона падает на танцующие кабели, простирающиеся по всей его высоте.

– Станція... «Держпром». Перехід на станцію «Університет» до поїздів Салтівської лінії, – двери открылись, выпуская людей на станцию.

Никита с Женей вышли на платформу, направляясь к переходу на «Университет», стены перехода были в синей плитке, светильники шли по центру перехода и были перекрыты решёткой. Поворот, подъём по ступенькам, ещё поворот, подъём, станция.

Тут и расходились пути Никиты с Женей. Жене надо было ехать на «Исторический музей», чтобы пересесть на красную ветку и доехать до Холодной горы. Никита ехал в противоположном направлении, от центра города до Салтовки. Они попрощались, пожав друг другу руки.

– До встречи, Жек, спасибо, что поддержал.

– Ещё увидимся.

Дальше путь был в одиночестве, и, подойдя к краю платформы, Никита достал наушники и воткнул их в уши. Зайдя в списки песен, включил первую попавшуюся. Это был рок в стиле пост-хардкора, взрывное начало пробудило Никиту от усталости.

Он устал, день был долгий, и хотелось просто ни о чём не думать. Отложить дела на потом. Лечь поспать. Желудок урчал, прося еды. То, что он поел в закусочной, было недостаточно. Хотелось чего-нибудь посытнее: супа или жареной картошки, с жареным куриным мясом. От этих мыслей Никита больше проголодался.

Приполз долгожданный поезд, вместо обычного синего цвета, он был разукрашен в жёлтый цвет, с картинками конфет и названием фирмы. Даже поезд метро не может дать покоя мыслям о еде. Двери распахнулись, Никита успел сесть на сиденье. Не часто даются моменты, чтобы можно было посидеть. Наконец-то можно расслабиться.

Клонит в сон. Даже громкая агрессивная музыка уже не может взбодрить. «Надо потерпеть, постараться не уснуть, дома уже спокойно посплю. Глаза закрываются сами. Ладно, с закрытыми глазами посижу, не усну ведь».

* * *

– Молодой человек, вставайте, конечная, – голос разбудил Никиту.

Перед ним стояла молодая дежурная по станции в красном головном уборе и в руках у неё была сигнальная табличка.

– Не уснул, – сказал про себя.

Отходя от сна, Никита вылез с вагона. Непонятное чувство, когда проспал полчаса и оказался в другом месте, чувство потерянности. На часах уже было 18:44, надо поторопиться. Дома предстоит написание лабораторных работ. Со станции уже вышли все, кто ехал вместе с Никитой в одном поезде, на станции было мало людей. Начал подниматься по ступенькам, прошёл турникеты, вышел в переход. В нём ещё сидели продавцы у своих прилавках, они уже понемногу закруглялись и сворачивали свою торговлю. Пошёл дальше, к ступенькам. Выход в город, на ступеньках остался сидеть тот темнокожий, что и сидел с утра. Никиту охватило чувство жалости, и поддавшись неведомым силам, рука сама потянулась в кошелек. Никита решил дать этому бедняге пятёрку, положил ему в коробку с мелочью, в которой уже лежало пара купюр и горсть мелочи.

Темнокожий паренёк поднял голову, узнав Никиту, хоть и встречался взглядами пару секунд.

– Спасибо тебе, дружище, – темнокожий улыбнулся от полученной щедрости.

Никита сам не знает, почему это сделал. Может, великодушие проснулось, а может, разговор с Женей повлиял на него. Он остался один, никому не нужный, сидящий днями на этих ступеньках, прося помощи. Получая пару гривен от жалости, покупает себе батон,

чтобы прожить ещё день и не видя будущего в завтрашнем дне. Разве такая у него должна быть жизнь?

Солнце ещё не село за горизонт, держась из последних сил на нём, небо было безоблачное, будто и не было сегодня дождя. На пешеходном переходе собрались люди, ожидая зелёный, тем временем машины летали по дороге. Музыка ещё поддерживала моральный дух и настроение, которого осталось совсем немного.

Вот и зелёный, знак того, что путь свободен и можно идти. Люди стали переходить дорогу, Никита, не отставая, пошёл за толпой.

Музыка, играющая в наушниках, вдруг закончилась с неприятным треском, будто по ним прошли помехи и замолкли гробовой тишиной. Никита вынул наушники из ушей, они настолько громко покончили свою жизнь, что слегка оглушили его. Никита надел их ещё раз, в надеждах, что они заработают.

Тишина.

Жаль было наушники, стоили они не дёшево, а сдались, как китайская подделка. Никита уже подошёл к автовокзалу, где была прилично большая очередь на автобус нужного ему маршрута.

И так каждый день. Каждый день просыпаешься в семь утра. Каждый день едешь на учёбу, не понимая даже зачем. Каждый день убиваешь нервы в общественном транспорте, проводя полжизни в очереди, а потом в битком заполненном автобусе.

Теперь не так уж и уютно: быть без наушников, слушать шум города и разговоры людей.

Сирена.

Никита от неожиданности поднял голову и начал оглядываться. Это была сирена воздушной тревоги. Через пару секунд успокоился. Ничего обычного. Очередная учебная тревога, их часто проводили в городе. Но всегда есть доля страха того, что она может оказаться не ложной. Люди поблизости были такого же мнения.

На горизонте, в самой дали, показалось что-то странное. Необычное. Вдали было видно белый столб дыма, будто там прошёл запуск ракеты в космос. Выше было видно сияние той самой ракеты, и оно стремительно набирало высоту. За ней стартовала вторая, поблизости, с краю, была выпущена третья.

Страх и непонимание происходящего охватило Никиту с ног до головы. Это уж точно не может быть случайностью: ракеты вдали, сирена. Это война? Надо что-то делать.

Люди смотрели на это, пытаясь всё увидеть за торцом стоящего напротив здания, они были в ожидании чего-то.

С той же стороны, где вылетел трёхглавый всадник смерти, взошло второе солнце. Оно вспыхнуло ярче, чем то, что было настоящим солнцем, и обрело форму ядерного гриба. Послышался шум, напоминающий бесконечный гром, нещадно трясуший окна и не жалеющий барабанных перепонки. Тут-то и затряслись ноги от ужаса происходящего, а волнение, изнуряющее живот, заставляло немедленно действовать.

Люди бежали в сторону пешеходного перехода, Никита, поддавшись стадному инстинкту, решил побежать за ними. Возможно, они знают, где спасение. Сирена не умолкала, всё погасала и снова возбуждалась. Начали перебегать дорогу, на ней стояло много машин, брошенных на произвол судьбы, их владельцы бежали за всеми остальными. Люди стремились в сторону торшера с буквой «М» и пропадали из виду, спускаясь вниз.

– Конечно! Метро! – наконец-то понял Никита.

Не зря же метро было не только, как способ передвижения, но и бомбоубежище для всего города. Главное успеть добраться.

Двери входа метро были настежь открыты под давлением людей. Ступеньки, были опасным местом. Люди эгоистично толкались и отпихивали в стороны, из-за чего можно

было упасть вниз и быть растоптанным. Почти в конце спуска, лежали затоптанные толпой люди. Те, кто отставал или отвлекался, оказывался погребённым заживо.

Их спасение закончилось на полпути.

Впереди были работники метрополитена и вооружённые укороченными автоматами Калашникова полицейские, пропускающие людей на станцию. Работники раскрывали железные загородки на стене, за ними скрывался большой, высотой до потолка гермозатвор, который и должен был защитить от всех напастей.

Лейтенант нервно посматривал на часы, отсчитывая секунды до чего-то. Никита прошёл через эти ворота, оглядываясь назад на них. Лейтенант, стирая пот со лба рукавом, перестал смотреть на часы. Спрятал их под мокрый рукав.

– Закрыть заслон! – прозвучала команда лейтенанта.

Двое полицейских загородили проход. Угрожающе подняв дула автоматов и сняв их с предохранителя, не пропускали больше людей.

– Пустите, черти! Что же вы делаете, тут нас хотите оставить?

– Стоять! – лейтенант поднял дуло вверх и выстрелил в потолок. Автомат грохнул, с потолка откололся кусок побелки и свалился на пол.

Люди отступились, пользуясь моментом, работники метро покатали гермозатвор из стены наружу, закрывая проход.

– Не – е – е – ет, стойте!

– Меня оставьте, хотя бы ребёнка заберите. Прошу!

– Уроды, та чтоб вы там передохли все!

– Оборотни в погонах, чтоб вас всех пере...

Громадные задвижные ворота врезались в другую сторону стены, полностью отрезая проход. Люди кричали и били по ней, их крик перебивал звук запечатывания затворов, которые намертво влезли в стену. Теперь эту стену ничто не сдвинет. Через неё не проникнет даже пылинка. Ужасная картина спасения людей, убийством других.

Двум смертям не бывать, а одной не миновать.

Люди, спрятавшиеся на станции, были обеспокоены, ожидая самого страшного. Ожидание было неприятное, раздражающее внутренности, а время длилось, как вечность. Все ждут представления, которое приготовил им сам дьявол.

Он вышел на бис.

Прозвучал громкий, гулкий взрыв. Бесконечный гром, раскатившийся по всему миру, заставлял дрожать даже лёгкие. Через пару мгновений земля вздрогнула будто на неё что-то обрушилось. Надавило.

Погас свет.

Прямо у ног Никиты упало что-то громадное и вдребезги разбилось об пол. Люди стали без умолку кричать и сходить с ума. Снова упало, но уже в другом конце станции. Кто сказал, что в аду будет светло?

Тишина.

Включился аварийный красный свет, тусклый, непривычный, в котором нельзя было рассмотреть даже свои ноги. Свет ламп показал всю ужасную картину, произошедшую в кромешной темноте. На полу лежала люстра, под ней были раздавленные дедушка, маленький мальчик и ещё двое мужчин. Это первый раз, когда Никита увидел мёртвых людей. Его охватил панический страх.

– Не смотри туда, посмотри на меня, – отец пытался уберечь от кошмарной картины свою дочь.

– Что произошло? – люди начали отходить.

– Это война?

– Вы видели это?

– Андрюха! Андрюх, ты тут?

– И что теперь будет?

Никита вспомнил про отца. Что-то внутри стрельнуло, прямо в самое сердце. Попытался найти его на станции, вдруг он тут. В тусклом свете было не разглядеть лиц, но узнать лицо отца можно было бы. Пройдя половину станции, так и не нашёл его среди выживших.

– Может тут? Может это он? Пап! Ой, извините. Чёрт!

Отца на станции не было. Может, он шёл с работы и спасся на другой станции. Достал телефон, начал набирать отца.

– Ваш абонент знаходиться поза зоною досяжності. Передзвоніть будь ласка пізніше, – голос девушки в телефоне не оставил шансов связаться с ним.

Убрал от уха телефон, посмотрев на экран.

Нет сети.

От безысходности Никита прижался спиной к колонне, медленно и безразлично сползая на гранитный пол.

Что за дьявольщина вообще произошла? Что с моим отцом? Где он? Выжил ли он? Когда нас отсюда выпустят? Я не хочу в это верить. Это просто сон. Это всё просто дурацкий сон.

Это не сон.

Каково это – быть свидетелем конца истории?

Глава 2

В мраморном плену

Мир уничтожен, всё, что было сделано человеком, было разрушено вместе с ним. Люди не понимают ценности жизни, убивая себе подобных ради денег и власти, забывая о том, что они – один биологический вид, вплоть до своего исчезновения. Отмывая свои по локоть в крови руки, героями становятся убийцы. А этими марионетками играет кукловод, заставляет их верить в то, что их поступки благородны.

Сегодня, 12 апреля 2016 года, умер город Харьков.

Никита сидел на холодном полу, беспомощно прижавшись к колонне. Он до сих пор не мог поверить в то, что происходило последние десять минут. Рядом кто-то непринуждённо подсел. Никита поднял взгляд и увидел перед собой темнокожего парня, который сидел у входа в метро.

– Ты не против? – спросил он у Никиты.

– Не против, – Никита не спеша подвинулся.

– Меня Дарвин зовут, – темнокожий начал разговор.

– Меня Никита, – Никиту заинтересовало такое имя, ведь не часто встретишь человека с именем Дарвин. – Красивое у тебя имя, необычное.

– Та нет... Меня люди с детдома нашли на этой улице... Так и называли, – лицо Дарвина стало хмурым.

– Извини.

Наступило неловкое молчание, люди на станции перестали суетиться, кто уселся на скамейки, кто на пол. Устали стоять на месте.

– Ты кого-то искал на станции? – заинтересовался Дарвин.

Их разговор прервал работник метро, он попросил всех выслушать его.

– Внимание! Все слушайте сюда! В связи с непредвиденным инцидентом, произошедшим сегодня, мы все должны провести во временном укрытии, то есть на станции, трое суток. После ч...

– Зачем аж три дня, почему не сейчас? – из толпы возмутились.

– Попрошу не перебивать. Спасибо. Через три дня радиационный фон на поверхности спадёт до приемлемых значений для эвакуации из города в ближайшие населённые пункты. Для благоустройства во временном убежище есть служебный туалет, сухие пайки, консервы и питьевая вода. Спасибо за внимание.

– Ну хоть не подохнем тут, как последние собаки, – промямлила бабка.

– Радиационный фон? Это что, ядерная война?

– Три дня я не продержусь! Господи. У меня клаустрофобия.

– Слышал? Нас спасут! Мы будем жить!

– Слава богу, главное, дождаться.

В людей вселилась надежда на спасение, которое должно прибыть неизвестно как и откуда. Отвести туда, неизвестно куда. Вдруг больше нет выживших городов? Вдруг нет больше никого? Никакой большой земли, а лишь одни океанские пустоши? Мы следуем регламенту с завязанными глазами и ушами, полагаясь на одну интуицию. Веря в то, что спасение придёт к нам и вытащит нас из дыры.

Хотелось верить в лучшее.

По платформе метались продавцы с товарами, используя даже такой случай в качестве прибыли. Продавали от еды до всякой всячины, брелки, зажигалки, лейкопластыри, сигареты. Возможно, деньги уже никому не понадобятся. Но они об этом пока что не думают.

– Дайте поштучно семёрочку, – позвал продавца сигарет молодой, коренастый мужчина.

– Сколько, одну, две?

– Одну.

– Три пятьдесят, – ответил продавец, взяв из пачки одну сигарету.

– Давайте, – мужчина уже отслюнявил с кошелька сумму.

Мужчина уже отдал свои деньги за сигарету, только поднёс ко рту, как на него накинута дежурная по станции.

– Курить запрещено! – отхватила сигарету прямо со рта и закинула себе в карман.

Мужчина с расстроенной гримасой продолжил стоять с зажигалкой, поднесённой к невидимой сигарете, провожая недовольным взглядом дежурную по станции. Порядок есть порядок.

Дарвин пропал из виду: пару минут назад стоял рядом с Никитой, а спустя мгновение, его уже нет. Никите представился момент подумать про всё, что было и есть наедине с самим собой.

Все жалеют о том, что не сделали. Он думал про звонок отца, последний звонок. Про то, что он сбросил, даже не зная его намерений. Что он хотел ему сказать? Вдруг он не собирался кричать на него, а первый хотел попросить у него прощения? Да, в это мало верится, но люди способны меняться. Теперь Никита никогда об этом не узнает.

Никогда.

Захотелось побродить. Надоело стоять на месте. На часах было восемь часов вечера, хотя имеет ли это теперь смысл? Какая разница, сколько сейчас время? В метро, при аварийных лампах. Здесь постоянная темнота, вне зависимости от времени суток. Люди на станции сидели на платформе, пытались убить время ожидания, а ожидание убивало их внутри. Свет аварийных ламп теперь заменял солнце, красное, тусклое, потухающее от старости. Поднялся наверх по лестнице к вестибюлю. Он был пуст, одинокие, обесточенные турникеты, стояли раскрытыми. За стеклянными дверьми был переход, в котором был запечатанный гермозатвор, спасший от смерти спасшихся в метро. Погубивший тех, кто этого сделать не успел. Никита прислонил ухо к железному заслону.

Тишина.

Вряд ли кто-то смог выжить, а если и выжил, то тому не позавидовать. Рядом стояла бывшая касса, в которой продавали жетоны. Никита застал это время, когда в метро пользовались жетонами, они были разными: прозрачные, ярко-оранжевого цвета, грубо-зелёные, голубые. Последними были зелёные, перед тем как Харьков перешёл на цифровую технику и старые, работающие на фотореле турникеты, заменили на красивые и новые. Теперь достаточно было купить бумажный билет в автомате и поднести его к турникету. Он его заглатывал, и путь был свободен.

Со ступенек было видно всю станцию, как на ладони, красный оттенок ламп придавал ей мрачности. Будто здесь проходили съёмки очередного фильма ужасов из девяностых. Никита не хотел спускаться обратно к людям. Увидев балкончик над путями, направился к нему. Залез на него, свесив ноги над рельсами, прислонился к самому углу у стены. С балкона можно было увидеть только половину станции. Вторую половину закрывал потолок, который становился уровнем ниже после двух колонн от вестибюля. Под ногами шли рельсы и шпалы, разделённые на две части лотком.

Никита до сих пор не мог поверить, что всё это наяву. Может, он спит, а это всего-навсего страшный сон, и вот он уже должен проснуться, после того как уснул, уезжая домой на метро?

Ущипнул себя за руку. Больновато, значит, не сон.

– Это не сон, – утвердил себе Никита.

– Привет, – сзади послышался уже знакомый голос.

Никита обернулся, это был Дарвин, он присел вместе с ним на балкончик. Разрешения он уже не спрашивал.

– Почему ты решил подружиться со мной? – спросил Никита.

– Я не знаю. Может, потому, что ты мне запомнился. Помог мне. Я ведь никого не знаю и искать мне некого. Я один.

Никита заглянул в карие глаза Дарвина, затем на пути. Долго молчал, но всё-таки решил сказать.

– Я искал отца. Мы с ним... Поссорились прямо перед тем, как всё это произошло, я уехал на учёбу, потом я пошёл гулять с другом. Как только домой начал ехать, тут это... Ну ты понял. Я надеялся его здесь найти, но я не нашёл. Теперь даже не знаю, что делать.

Дарвин выслушал всё. Возможно, он не поймет, что значит потерять отца, его память не застала родителей, но фантазия нарисовала свои облики. Он поразмыслил у себя в голове, потом отмахнулся от придуманного в ней.

– Извини, сочувствую, – ответил Дарвин, положив руку на плечо Никиты.

Молчание, только топот и глас людей слегка подавлял её. Дарвин оказался нормальным парнем, как и все остальные, это доказывает то, что все мы люди одинаковые, будь ты темнокожим, бледным или китайцем, да хоть кавказцем – какая разница? Мы отличаемся только снаружи, а всё остальное зависит от тебя самого.

Мы все разные.

– Знаешь, а ведь у меня не было друзей даже в детдоме, – вернул разговор Дарвин, – только лишь потому, что я чёрный. На меня смотрели с отторжением, будто я не человек, старались со мной не общаться, обходить стороной. Много раз приходили молодые пары, чтобы взять себе ребёнка, они брали всех «нормальных», стараясь не смотреть на меня, чтобы не обидеть, наверное. А тем самым делали мне больнее. Я оттуда сбежал, и вот в свои семнадцать лет живу на ступеньках перехода метро. Я не умею жить. Я только лишь существую, выживаю.

Никита понял то, что жизнь Дарвина намного хуже, чем его. То, что это не Дарвин не поймёт, каково это, а он сам.

– Сочувствую, – пособолезновал Никита и, немного помолчав, продолжил: – Теперь у меня тоже никого нет. Я один.

Дарвин сидел, задумавшись, смотрел вдаль. Почему он вообще разговаривает с Никитой? Почему он решил к нему подсесть? Ответа не находилось. Просто два человека, брошенных в одиночестве. Они нашли друг друга.

– Раз уж так, то... Можно ты будешь моим другом? – спросил, заглядывая в глаза Никите, спросил Дарвин.

У Никиты никогда не было темнокожего друга, он только видел их в университете. С Дарвином было приятно поделиться горем. Никита, соглашаясь, кивнул.

– Хорошо. Спасибо, что выслушал, мне больше и не с кем говорить, – поблагодарил Дарвин.

– Знаешь, у меня никогда не было чёрного друга, – Никита уныло улыбнулся.

– А у меня никогда не было друга, – Дарвин замолчал и опустил голову. Он был огорчён от своих же слов.

– Ладно, спать пойду. Говорят, там спальные мешки стелют для людей, – сказал Дарвин, слезая с балкончика. – И тебе советую, нам тут еще три дня сидеть.

– Иди. Я потом.

Смирение. Насколько быстро человек может привыкнуть к окружающей среде? С утра пить кофе с пряниками, а вечером пить с общей колонки и питаться консервами, погребённым заживо. Утром общаться с коллегами по работе и друзьями, а вечером того же дня искать

их среди живых. Ситуация меняется, а вместе с ней меняются и люди, адаптируются под неё. Человек тот самый таракан, который выживет даже при ядерной войне или конце света, прячась в щелях от опасности и пережидая её, пока она не пройдёт.

На часах было пол-одиннадцатого, выжившие утихли, кто попросил спальные мешки, кто уже спал прямо на полу, прижавшись к колонне. Кто нервно маячил по станции, пытаясь найти покой. Никита не хотел спускаться вниз на платформу, он уже негласно забронировал место у билетных автоматов. Здесь было тихо, пусто. Здесь был покой в океане беспокойства. Вестибюль был полумрачный, его освещало пару аварийных ламп по центру, оставляя его стены не освещёнными.

Приложив рюкзак, как подушку, около края стены, Никита лёг на холодный гранитный пол, пытаясь лечь поудобнее, насколько это было возможно. Очень не хватало наушников, которые предательски умерли ещё на подходе к автобусу, не было того самого духовного наставника, психолога – музыки, которая бы помогла хоть чуть-чуть расслабиться, снять напряжение.

Эта тишина сильно угнетала. Не давала покоя.

Уснуть было невозможно, хоть Никита и лежал, наконец-то устроившись удобно на полу, его сердце билось обеспокоенно, в голову лезли без спроса разные мысли. Что с отцом? Где он? Что произошло? Это война. Мы похоронены. Ждать три дня. Целых три дня. Под землёй. Стоп.

Надо было просто перестать думать и постараться уснуть. Просто найти тот самый выключатель в голове. Если уснуть сейчас, то можно скоротать время томительного ожидания, надо только постараться. Это ведь просто.

Никита зажмурил глаза, в надежде, что выйдет уснуть, но организм так не думал, открывая по своей воле глаза.

– Нет, так не выйдет, – сказал в мыслях Никита, – Надо отвлечься. Например... Посчитать до ста. Просто считать цифры. Раз, два, три, четыре, пять, шесть, семь, восемь, девять, десять, одиннадцать, двенадцать...

* * *

Небо, красивое и ясное, на нём летят тучи. Никиту настигла невыносимая боль, будто его разорвали на много частей, при этом, оставив в его живых. Начал водить руками под собой, кругом битое стекло, руки были все в крови. Захотел подняться, но было настолько больно, что хотелось покинуть это тело, освободить себя от страданий. Закричал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.